

Областной центр оказался огромным. Стоило выйти за порог, как тут же приходилось садиться на автобус или ловить попутку, — пешком здесь далеко не уйдешь.

Один из моих двоюродных дядей по отцу еще в прежние годы перебрался сюда вместе с заводом, когда производство переносили из наших мест. С тех пор он окончательно обосновался в городе, пустил корни и жил, судя по всему, в полном достатке.

Перед отъездом отец созвонился с ним. Дядя выказал искреннее радушие: непременно звал на ужин и настаивал, чтобы я остановился у них. Мол, одному в чужом городе устроиться трудно, да и неудобно.

Отец, разумеется, поспешил вежливо отказаться. Он долго и терпеливо объяснял, что надежный товарищ уже подобрал для меня квартиру, где есть все необходимое и беспокоиться не о чем. Только после этого дядя отступился.

Приехав со мной в город, отец первым делом повез меня устраиваться. Нам досталась двухкомнатная квартира — просторная гостиная, спальня, приличная мебель и вся необходимая кухонная утварь. Из спальных мест имелись широкая двуспальная кровать и выдававшая виды походная раскладушка. Как по мне, для одного жильца хоромы были великоваты, но отец все равно ее снял.

Квартиру нам показывал отцовский приятель. В прежние годы они вместе промышляли лекарственным сырьем, а теперь тот открыл небольшую контору — крутился потихоньку, занимаясь перепродажей.

— Племянник, — разливался соловьем этот господин, — одному жить куда вольготнее! Я ведь своими глазами видел, в каких клоповниках ютятся приезжие студенты. Набьются человек восемь-девять в крошечную каморку — грязь, вонь несусветная! А те, кто на второй год остался, так и вовсе дымят как паровозы да глушат горькую, уверяя, будто так они ищут вдохновение. С твоим-то хлипким здоровьем ты там и пары дней не протянешь.

Отец велел мне звать его просто дядей Чэном, так что я не стал оригинальничать. С виду он казался человеком простым и добродушным. Я относился к нему ровно — ни тепла, ни неприязни. Понимал, что его участие в наших делах — лишь дань старой дружбе, обычная вежливость. Против таких людей я ничего не имел, но и рассчитывать на него в трудную минуту не собирался.

Наведя в комнатах порядок, мы втроем отправились в небольшую закусочную неподалеку. В финале обеда мужчины, как водится, устроили шутовскую борьбу за право оплатить счет, а я просто сидел в сторонке и наблюдал за этим представлением.

Сразу после обеда отец повел меня знакомиться с преподавателем рисования. Учитель Ляо оказался импозантным мужчиной лет сорока с лишним; окладистая борода придавала ему вид истинного служителя муз. Его супруга, наставница Лу, в свое время разделила горькую участь моей матери — ее тоже похитили работоторговцы. Все эти годы женщины, сплоченные столь

суровым испытанием, поддерживали тесную связь. Недавно они даже задумали собраться у нас в уезде — удивительное легкомыслие, право слово.

Должно быть, жена провела с ним серьезную беседу, потому что учитель Ляо принял меня под крыло с особой заботой. А уж сама наставница Лу при встрече и вовсе не выпускала мою руку: оглядывала со всех сторон, вздыхала и ласково журила. Своего сына у нее не было — только дочка-пятиклассница. Не будь у нас такой разницы в возрасте, я бы всерьез заподозрил, что меня хотят прибрать к рукам и сделать зятем.

Вечером мы с отцом отправились на ужин к двоюродному дяде. В его квартире яблоку негде было упасть: их собственное семейство насчитывало десять душ, да еще мы вдвоем. Огромный стол ломился от яств, заняв почти всю гостиную.

Двоих младших сорванцов — по старшинству они приходились мне племянниками — сразу после того, как они набили животы, бесцеремонно выставили из-за стола, чтобы освободить место взрослым. Мне поначалу стало неловко, но стоило увидеть, как весело они побежали в свою комнату играть в приставку, как на душе у меня заскребли кошки.

С тех пор как начался выпускной класс, я и думать забыл о видеоиграх. Глядя на экран телевизора, я невольно ощутил глухую тоску по беззаботным временам.

Обычно будущие художники начинают усиленно готовиться месяца за три-четыре до вступительных испытаний. У меня же за плечами не было ровным счетом ничего — никакой базы. Учитель Ляо сразу предупредил отца: придется пахать не покладая рук, от зари до зари, иначе о хорошем вузе можно даже не мечтать.

Отец в этих тонкостях не смыслил. В его представлении высшее образование делилось на две категории: приличный вуз первой ступени и заурядный техникум. О существовании элитных академий старик даже не догадывался.

Для него поступление в университет оставалось делом священным, почти чудом. И уж если такому двоечнику, как я, удастся зацепиться хотя бы за обычный бакалавриат, это уже будет победой.

Но студия учителя Ляо пользовалась в нашей провинции Цзи заслуженной славой. Даже самые слабые его выпускники без труда поступали в провинциальный институт искусств — солидное заведение высшей категории, известное на всю страну.

Спустя годы этот институт прогремит на весь Китай: один из его выпускников победит в популярном телешоу и в мгновение ока превратится в суперзвезду с баснословными гонорами.

В то время я рассуждал точно так же, как отец. Поступить бы хоть куда-нибудь — и то хлеб, а о высоких материях я не задумывался.

А что до работы на износ... В конце концов, у кого в выпускном классе легкая жизнь? Свои трудности найдутся везде.

Но, видать, Бог не без милости. Спустя какое-то время учитель Ляо заметил, что у меня есть искра таланта. Он велел мне не вешать нос и приналечь на учебу — мол, если постараться, можно замахнуться и на приличную художественную академию.

Впрочем, в душе я по-прежнему бунтовал. Я смутно представлял, какие двери открывает диплом художника, на какую специальность идти и кем я стану после выпуска. Проще говоря, я стремился поступить в вуз ради самого диплома, а что будет дальше — трава не расти.

Первое время в студии было свободно. Помимо меня, туда ходили всего пять-шесть старшеклассников. Но они совмещали рисование с обычными школьными уроками, приходя лишь на полдня, да и база у них имелась неплохая. Они держались уверенно и легко, в то время как я, не умевший толком держать карандаш, вынужден был осваивать азы с самого начала.

Видимо, эти «мастера» сразу поняли, что соперник из меня никакой. Время от времени, устав от работы, они лениво прохаживались мимо моего мольберта, перебрасывались со мной парой слов или давали дельные советы.

В студии занималось больше тридцати человек, и учитель Ляо физически не мог постоянно стоять у меня над душой. Так что ребята фактически взяли меня под опеку, став моими первыми неофициальными наставниками.

Обучение началось с классического карандашного рисунка. В графике я особых успехов не проявлял, но стоило нам перейти к живописи, как дело пошло на лад — тут-то и проснулось мое чутье.

Позже Лао Ляо — сблизившись с ним, я, как и остальные старожилы, отбросил официальный тон — уверял, будто у меня врожденное чувство колорита. Мол, мои работы получаются живыми, наполненными глубоким чувством.

Что такое «живые работы», я еще худо-бедно понимал, но вот эти разговоры о каком-то там «чувстве» казались мне полнейшей нелепицей. Не сделай мне Лао Ляо огромную скидку на обучение по старой дружбе наших семей, я бы решил, что он попросту пускает мне пыль в глаза.

Наша семерка неизменно приходила в мастерскую раньше всех. Но месяца за три до экзаменов Лао Ляо где-то развернул бурную рекламную кампанию, и к нам хлынула целая толпа — еще человек пятьдесят-шестьдесят ребят, нацелившихся на художественные факультеты.

Надо признать, большинство новоприбывших справлялись куда лучше меня. Впрочем, попадались среди них и ленивые бездельники, чьи мазки выглядели беспомощнее моих, хотя я

сам занимался от силы пару месяцев.

Я не собирался никого судить, но до меня доходили слухи, будто эти бедолаги занимаются уже больше года. Если уж мои скромные наброски затмевали их многолетние труды, то на что они вообще рассчитывали на экзаменах?

Впрочем, их заботы меня не касались. Моя собственная жизнь наконец вошла в привычную колею, подчинившись строгому расписанию.

Подъем ровно в шесть утра. Короткий перекус в уличной лавке, и уже в половине седьмого я раскладывал краски в мастерской, готовя рабочее место. К семи часам подтягивалась остальная группа. Нам выставляли новый натюрморт, и начиналась работа.

В половине двенадцатого я возвращался домой, наспех готовил обед и заваливался спать. В два пополудни — снова за мольберт. В пять вечера наступало время ужина. Иногда я шел готовить к себе, но если одолевала лень, мы скидывались компанией и шли в ближайшую забегаловку. Рисовали до десяти вечера. Возвращаясь домой, я либо сооружал нехитрый перекус, либо, наспех умывшись, проваливался в глубокий сон без сновидений.

Престижные вузы ставили планку высоко: там требовалось писать портреты с натуры. Чтобы сэкономить на профессиональных натурщиках, хитрый Лао Ляо подбивал нас позировать по очереди.

Помню одну девушку из нашей группы — редкую красавицу. Конечно, по студенческим меркам, но в ней подкупали какая-то детская чистота, живость и легкий нрав. Половина парней из нашего класса спали и видели, как бы завоевать ее расположение. Я в их число не входил.

Я выматывался до такой степени, что, добравшись до постели, мечтал лишь об одном — раствориться в матрасе. Любовные интриги требовали слишком много душевных сил, а у меня их не оставалось вовсе.

Разумеется, окажись мы в будущем в одном институте, я бы не упустил шанса воспользоваться старым знакомством — как говорится, у воды и луна видна лучше. Но пока было не до того.

Перед самыми экзаменами Лао Ляо притащил откуда-то целую гору искусственных цветов. Каждое утро он с увлечением составлял из них новые композиции, заставляя нас писать этот пластиковый гербарий. Называлось это «развитием живописного чутья».

Мелкие лепестки самых невообразимых оттенков, порой сочетавшие в себе по три-четыре цвета на одном бутоне, едва не доводили наших местных «экспрессионистов» до нервного срыва.

Себя я относил скорее к интуитам: особо не задумываясь, подбирал похожий оттенок и смело швырял краску на холст. И, как ни странно, именно за эту небрежность Лао Ляо хвалил меня чаще других.

Признаться, в тот момент мне было все равно, льстит он мне или говорит искренне. Я был погреб жизни благодарен ему за эту поддержку — его слова подпитывали мой угасающий азарт.

Чем ближе был день икс, тем заметнее нервничали ребята. Мои соученики то и дело собирались по углам, вполголоса делясь опасениями.

Они ревностно сравнивали рисунки, спорили, у кого лучше чувство цвета, чья техника штриховки надежнее и кому какая академия больше подходит по стилю.

Только тогда я впервые услышал о «восьми великих художественных академиях» Китая, их неофициальном рейтинге и профессорах, способных помочь перспективным выпускникам с организацией выставок.

Сам я понятия не имел, куда подавать документы, а в будущих специальностях разбирался как свинья в апельсинах.

Свяжу ли я жизнь с кистью — бог весть. Живопись или дизайн — какая разница? Дизайн, поговаривали, давался легче, зато «чистое искусство» манило манящей творческой свободой.

К концу ноября мастерскую окончательно накрыла волна лихорадочной тревоги. Все понимали: творческие экзамены уже на носу.

Обычные школьники стонут, что подготовка к выпускным экзаменам выжимает из них все соки. Но нам, абитуриентам творческих вузов, предстояло пройти этот ад дважды: сначала на практических испытаниях, а потом на общеобразовательном госэкзамене.

И вот, когда я окончательно извелся, выбирая между вузами, на пороге моей съемной квартиры снова объявился Хуэй Сяобао. Малец заметно подрос — теперь ему на вид можно было дать все двадцать.

Как-то раз я полюбопытствовал на этот счет, и Сяобао объяснил, что человеческий облик духов-бессмертных напрямую зависит от их духовной силы: чем могущественнее сущность, тем взрослее она выглядит. Хотя, разумеется, бывали и исключения.

Я искренне порадовался за успехи друга, но груз собственных нерешенных проблем не давал расслабиться — тут уж не до праздников.

Заметив мою кислую мину, Сяобао поинтересовался, в чем дело. Я без утайки выложил ему свои метания по поводу выбора академии.

Сяобао выслушал меня и одарил взглядом, полным искреннего презрения.

— Совсем голова от твоей живописи высохла? Забыл, кто перед тобой? Ну-ка, выкладывай расписание экзаменов, я тебе живо все раскидаю.

Я от удивления даже рот приоткрыл.

— И что, даже такое можно просчитать?

— Обижаешь! Под этим небом нет ничего, что нельзя было бы предсказать, — гордо заявил он, но тут же осекся, вспомнив о чем-то. — Ну... если только силенок маловато, тогда да, может выйти осечка.

«Кто бы сомневался», — мысленно усмехнулся я, в очередной раз поразившись его привычке бахвалиться. Тем не менее я отыскал в бумагах сводную таблицу, которую для нас составил учитель Ляо. В ней были указаны не только даты экзаменов, но и краткие характеристики каждого вуза с подробным анализом их художественных предпочтений — Ляо действительно вложил в эту шпаргалку душу.

— Слушай, если сам не сдюжишь, попроси помощи у старших в роду, — напутствовал я приятеля. — А я в долгу не останусь: куплю чего-нибудь знатного к столу да преподнесу им с поклоном.

Не то чтобы я не верил другу, но Сяобао порой бывал слишком ветреным. На кону стояла моя будущая жизнь, так что осторожность тут явно не вредила.

— Завтра все узнаешь, — пообещал Сяобао. Он бережно свернул лист и спрятал его во внутренний карман. — Ты ведь тут один кукуешь. Завтра занятия есть? Давай я позову сестру Линлин и остальных, устроим небольшие посиделки, пожелаем тебе удачи перед экзаменами. Как тебе идея?

Идея показалась мне отличной. Я тут же устроил ревизию в холодильнике, выудив оттуда пять бутылок газировки, пару готовых запеченных цыплят, несколько пачек лапши быстрого приготовления, четыре яблока и пакет соленых орешков.

Поразмыслив, я спустился в лавку на первом этаже, прихватил несколько бутылок пива «Циндао», десяток подкопченных колбасок и не торопясь вернулся домой. Едва переступив порог, я застал удивительную картину: Ху Линлин и Лю Чжэньюань вовсю накрывали на стол, а Сяобао крутился перед незнакомым молодым мужчиной лет двадцати с небольшим, угодливо предлагая тому фрукты. Незнакомец был чертовски хорош собой.

Завидев в моих руках пиво, честная компания радостно зашумела. Бутылки мгновенно расхватили, причем таинственный красавец не остался в стороне, ловко перехватив одну из

них.

— Дачуань, знакомься! Это третий брат Хуан, — сияя, представил гостя Сяобао.

<http://bllate.org/book/20253/2111773>